

DOI 10.15826/izv2.2021.23.2.029

УДК 655(470-25) + 002.2(076) +
+ 025.32 + 27-9 + 76**О. Р. Хромов**¹ *Московская Духовная академия*² *Российская государственная библиотека*
Москва, Россия

МОСКОВСКИЙ ПЕЧАТНЫЙ ДВОР ПРИ ПАТРИАРХЕ НИКОНЕ: ОСОБЕННОСТИ РЕПЕРТУАРА И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОФОРМЛЕНИЯ ИЗДАНИЙ

Статья посвящена изучению деятельности Московского печатного двора в период при патриархе Никоне в 1652–1658 гг. В этот период не только велась хозяйственная перестройка на Печатном дворе, но и происходили серьезные изменения в репертуаре изданий и оформлении книг. Всю эту работу контролировал и координировал сам патриарх Никон. В настоящей статье делается попытка проследить деятельность Печатного двора этого периода в целом, рассмотрев структуру репертуара издательской продукции и оформления книг, а также изменения во внешней форме московских изданий. В статье проанализирован новый тип изданий, появившийся при патриархе Никоне, — листовые издания, выявлены причины и мотивы их появления. Отмечается, что их появление обусловлено не экономической выгодой, а их оперативностью и тиражностью, а также возможностью с их помощью унифицировать церковно-административные вопросы. Рассмотрены вопросы иконографической «справы», связанные с изменениями изображений животных символов евангелистов во фронтисписных гравюрах Евангелия. Причины, побудившие патриарха Никона сделать эти исправления, основаны на общем подходе к исправлению церковных обрядов и книг. В исправлении порядка животных символов патриарх Никон опирался на древнюю русскую рукописную (до XV в.) традицию и греческие образцы, связанные, в первую очередь, с изображениями на антиминсах. В статье уделено внимание изданию антиминса как нового типа московского издания и обсуждается вопрос о его образцах. Рассмотрены особенности гравированных иллюстраций в никоновских изданиях, их оформление.

Ключевые слова: кирилловская книга; старопечатные издания; патриарх Никон; Московский печатный двор; художественное оформление книг; история гравюры

Цитирование: Хромов О. Р. Московский печатный двор при патриархе Никоне: особенности репертуара и художественного оформления изданий // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 110–127. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.029>

Поступила в редакцию: 10.08.2020

Принята к печати: 25.03.2021

Oleg R. Khromov¹ *Moscow Theological Academy*² *Russian State Library*
Moscow, Russia**MOSCOW PRINT YARD UNDER PATRIARCH NIKON:
SPECIFIC FEATURES OF THE REPERTOIRE
AND ARTISTIC DESIGN OF PUBLICATIONS**

This article studies the activities of the Moscow Print Yard during the period under Patriarch Nikon between 1652 and 1658. The period was not only characterised by a serious economic activity intended to organise work at the Print Yard but also a number of considerable changes in the repertoire of publications of the printing house and book design. All these actions took place under the direct supervision of Patriarch Nikon and his participation. This article makes an attempt to trace the overall activity of the Print Yard in two directions: studying the structure of the repertoire of print products and book design and changes in the external form of Moscow editions. The article examines a new type of editions which appeared under Patriarch Nikon — loose-leaf editions, clarifying the reasons and motives for their appearance, which are not due to their economic benefit but their efficiency and circulation, and the opportunity to standardise church administrative issues through them. Additionally, the author considers issues connected with iconographic “preparation” related to changes in the images of the animal symbols of the Evangelists in the frontispiece engravings of the Gospel. Also, the article clarifies the reasons that prompted Patriarch Nikon to make these corrections, which are based on a general approach to correcting church rites and books. In correcting the order of animal symbols, Patriarch Nikon relied on the ancient Russian manuscript tradition (pre-15th century) and Greek samples associated primarily with the images on the Antimins. The article pays special attention to the publication of Antimins as a new type of Moscow edition considering the question of its samples. Finally, the author examines the features of engraved illustrations in Nikon’s editions and their design demonstrating the significance of Nikon’s reforms for the development of the artistic form and art of the Moscow book.

Key words: Cyril book; early print editions; Patriarch Nikon; Moscow Print Yard; design of books; history of engraving

For citation: Khromov, O. R. (2021). Moskovskii pechatnyi dvor pri patriarkhe Nikone: osobennosti repertuara i khudozhestvennogo oformleniia izdaniia [Moscow Print Yard under Patriarch Nikon: Specific Features of the Repertoire and Artistic Design of Publications]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(2), 110–127. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.029>

*Submitted: 10.08.2020**Accepted: 25.03.2021*

Середина XVII в. ознаменовалась в истории Русской православной церкви реформами патриарха Никона, которые привели к церковному расколу. Эти события нашли яркое отражение и в истории русской книги, на несколько

столетий определив развитие кирилловской печати и религиозной графики по двум самостоятельным направлениям. Одно из них было всецело связано со старообрядчеством, в котором в XVIII–XIX вв. на основе древних образцов книжного и графического искусства (преимущественно XVII в.) был создан свой собственный оригинальный стиль оформления книги и графики. Другое направление получило развитие в лоне официального искусства. В настоящей статье мы обратимся к изучению искусства московской книги кирилловской печати эпохи реформ патриарха Никона и их влияния на художественную форму и репертуар московской книги, получившие развитие в XVIII–XIX вв.

Изучению книги и книгопечатания на Московском печатном дворе при патриархе Никоне посвящено значительное количество литературы. Главное внимание исследователей было сосредоточено на особенностях организации книжной «справы», изменениях в текстах богослужебных книг. Историки церковного искусства обращали внимание на документы, связанные с регламентацией иконописания, стилистическими особенностями орнаментики, оставляя практически в стороне изучение влияния никоновских реформ на изменения художественных особенностей, «внешности» московской книги.

Некоторые особенности книгоиздания, «справы», административно-хозяйственной деятельности на Московском печатном дворе при патриархе Никоне и их влияние на книгу рассматривались в классических трудах протоиерея Павла Николаевского и митрополита Макария (Булгакова) [Николаевский; Макарий (Булгаков)]. Не обошли вниманием деятельность патриарха Никона авторы коллективной монографии о Печатном дворе XVII в., которые опубликовали обширный комплекс документов из архива Приказа книгопечатного дела [Поздеева, Дадыкин, Пушкин, с. 236–360]. Книговеды, историки книги, рассматривая никоновские издания, отмечали их специфику: изменение в оформлении наборной полосы, появление титульного листа, их оригинальность в общем потоке московской печати XVII в. [Гусева, 2005; Починская, с. 307–308]. Однако изменения «внешности» московской книги и структуры репертуара Печатного двора в связи с реформами патриарха Никона не становились предметом специального изучения.

Сегодня можно считать общепринятым мнение о личном участии патриарха Никона в деятельности Московского печатного двора, его особом внимании к выпускаемым книгам не только с точки зрения их содержания. Хорошо известны некоторые частные различия в художественном оформлении в старообрядческой книге и изданиях Московского печатного двора — Синодальной типографии, восходящие к эпохе патриарха Никона, как, например, в изображениях символов евангелистов. Однако остаются открытыми вопросы об изменениях художественной формы книги в целом, особенностях системы книгоиздания патриарха Никона.

В декабре 1653 г. патриарх Никон по государеву указу получил в свое полное управление Московский печатный двор. Теперь он самостоятельно мог решать как все административно-хозяйственные, так и чисто издательские вопросы.

Печатный двор превратился в важнейший инструмент его реформаторской деятельности, главная задача которой заключалась в исправлении богослужебных книг и церковного обряда. Ярko характеризует роль Московского печатного двора в церковном исправлении история семи изданий Служебника в 1655–1658 гг. и организация работы Печатного двора в целом, а также изменения в репертуаре, направленные на утверждение реформ и исправление обрядов в Русской церкви.

Церковная реформа патриарха Никона была направлена не просто на исправление в соответствии с греческими и «харатейными» древними рукописями «в чинех и речах, и орфографии», но на приведение церковных обрядов в соответствие с действовавшими в древних православных Церквях. Церковные обряды в Москве были отличны от принятых во всем православном мире. Без их исправления московский патриарх не мог находиться в одном статусе с восточными патриархами, как и московский царь не мог именоваться Государем православного мира, а Московское царство восприниматься наследницей Рима и Византии. Истинное желание исправления церковной жизни и обрядов в соответствии с греческой традицией стало главным стимулом церковных преобразований патриарха Никона. Его деятельность коснулась и непосредственно московской книги, ее внешнего вида, ее репертуара, в чем патриарх ориентировался на опыт издания и оформления книг в православном мире.

При патриархе Никоне появляются новые виды изданий, которых ранее в Москве практически не знали, но которые были хорошо известны в православных странах. Это листовые издания, подобные распространенным на Украине, Балканах, в Греции и на христианском Востоке. Предполагают, что о листовых изданиях Никон узнал от сербского патриарха Гавриила, для которого на Печатном дворе были отпечатаны разрешительные грамоты 25–28 мая 1655 г. Однако сведения о таких изданиях в документах Приказа книгопечатного дела датируются февралем 1652 г. (указ от имени патриарха Никона) [Лукиянова, с. 216]. Очевидно, что здесь произошла какая-то путаница (возможно, более поздние записи), поскольку интронизация Никона на патриарший престол совершилась 25 июля 1652 г. Выяснение вопроса требует специального источниковедческого исследования, выходящего за рамки настоящей статьи. Важно, что листовые издания на Московском печатном дворе появляются одновременно или ранее издания грамот для сербского патриарха Гавриила.

При подготовке реформ Никон интересовался обрядами греков. Наличие в практике греческой церкви листовых изданий, например, разрешительных грамот, не могло не обратить на себя внимание патриарха, в то же время как человек быстрого и прагматичного ума он увидел возможность использования аналогичных изданий в деле исправления обрядов Русской церкви. Его могла привлекать оперативность и высокая тиражность этих изданий (их выпуск занимал от нескольких дней до нескольких недель).

Первые листовые издания, выпущенные в Москве по указу патриарха Никона, – это ставленные грамоты поповские и дьяконские. Издание было

осуществлено огромным по тем временам тиражом в 4 000 экземпляров. При Никоне было выпущено несколько таких изданий разными тиражами [Московские кирилловские издания..., с. 197–204, № 6–10, 26, 28]. Они оправдывали себя экономически, принося хороший доход печатному двору, поскольку их продавали в основном по две деньги, что было равно двойной себестоимости, составлявшей в среднем от одной до полутора денег. Издание ставленных грамот стало новшеством в деятельности Московского печатного двора.

Можно предположить, что причиной выпуска листовых изданий, в частности, ставленных грамот, была экономическая выгода. Однако если проанализировать данные, опубликованные Е. В. Лукьяновой, доход от продажи листовых изданий (себестоимость некоторых из них, например, антимины 1656–1657 гг. составляла чуть более 6 денег, а листа «О поклонах» — 4,5 деньги при продажной цене 10 денег), выпущенных при патриархе Никоне до оставления им Москвы 10 июля 1658 г., то сумма чистого дохода составит от 250 до 300 руб. при условии полной продажи тиражей. Эта сумма, конечно, значительная, но не столь великая, чтобы стать главной целью выпуска этих изданий. Для сравнения укажем, что расходы на издание, например, Четвероевангелия в 1657 г. составили более 1 000 руб. Очевидно, что экономическая сторона выпуска листовых изданий не была главной. Более важным было их значение для регламентации и исправления церковной жизни.

Ряд листовых изданий были непосредственно связаны с исправлениями церковной обрядности. Они появились вскоре после соборных определений и непосредственно касались вопросов церковного обряда: о поклонах при молитве св. Ефрема Сирина и изменениях в Символе веры. Первое издание готовилось достаточно долго — с 16 февраля (указ) по 3 апреля (выход) 1657 (7165) г. и было напечатано тиражом 2 400 экземпляров [Там же, с. 201, № 22]. Второе — «Исповедание Православной веры» было подготовлено за неделю тиражом 3 600 экземпляров и содержало новый перевод Символа веры [Там же, с. 202–203, № 25]. Оба листовых издания касались важнейших вопросов в исправлениях церковных обрядов, вокруг которых шла острая полемика. Патриарх использовал листовую форму изданий для быстрого распространения и ознакомления паствы с решениями Собора и нововведениями. Новые издания стали своеобразным пропагандистским средством в полемике с раскольниками. В этом и была главная причина их выпуска.

Необходимо отметить, что главный вопрос в церковной обрядности (о перстосложении) нашел отражение в виде особого текста, включенного в Служебник, — послания патриарха Иерусалимского Паисия («Главизны отвечательны от послания Паисия архиепископа Константинополя и Вселенскаго патриарха к Святейшему Российскому патриарху Никону, киими персты подабае всякому христианину на лице своем изображати образ Креста и како достоит архиерею Благословляти или священнику мирян»). Позднее по этому тексту Афанасием Трухменским была исполнена гравюра, ставшая листовым изданием («О перстосложении»), которая вывешивалась для всеобщего ознакомления (подобие

плаката) и которую, по свидетельству Кариона Истомина, срывали и портили раскольники [Хромов, с. 104].

Возможности гравюры как единственного способа тиражирования изображений начали использовать при Никоне в листовых изданиях. К числу таких изданий можно отнести антиминс (гравирован на дереве) 1656/57 г.¹, первый тираж которого составил 1 940 экземпляров [Московские кирилловские издания..., с. 201, № 21] (ил. 1). Он печатался на холстах и представлял собой композицию «Оплакивание» в декоративном обрамлении с изображениями символов евангелистов в медальонах по углам и чистыми картушами, в которые вставляли посредством типографского набора необходимый текст. Печатные антиминсы появились при непосредственном участии Никона [Макарий (Булгаков), с. 38, 66–67] и заменили рукописные, которые создавались по изображениям в Требнике 1623 г. (переиздания 1624, 1625, 1633 гг.) [Зёрнова, № 49, 52, 56, 97]. Последний раз изображение антиминса было помещено в Требнике 1651 г. В Требнике патриарха Никона 1658 г. этих изображений уже не было [Там же, № 234, 280].

Печатный антиминс был утвержден Собором 1654 г. и после был издан на Печатном дворе в форме гравированного листового издания, подобно греческим антиминсам [Макарий (Булгаков), с. 38]. Возможно, образцом для него послужила греческая антиминсная доска, которая зафиксирована в Описи Московского печатного двора 1667 г. среди гравированных досок («2 доски антиминсные, одна греческая»), вторая, — по всей видимости, доска первого издания Московского антиминса 1656/57 г., использовалась до 1676 г. [Румянцев, с. 363]. Позднее, в 1670-е гг. антиминсы на Московском печатном дворе выпускали меньшим тиражом уже по заказам архиереев. Их печатали так же в технике гравюры на олове и меди [Алексеева, с. 10–21; Московские кирилловские издания..., с. 210–225, № 55, 62, 93, 96, 99, 101, 106].

Листовые издания представляли собой значимую часть в репертуаре Московского печатного двора при патриархе Никоне, но они не всегда записывались как самостоятельные единицы при учете издательской продукции Печатного двора. В результате складывалась ситуация, при которой очевидная интенсивная деятельность патриарха Никона на Печатном дворе фактически приводила к замедлению темпов книгоиздания в сравнении с объемом выпуска книг при патриархе Иосифе. С. А. Зеньковский, например, писал: «...оно (книгоиздание. — О. Х.) резко сокращается во время патриаршества Никона и во время руководства церковью сторонниками его богослужебных и обрядовых новшеств» [Зеньковский, с. 97]. Протоиерей Павел Николаевский видел причину замедления выпуска книг в обширной хозяйственной деятельности патриарха Никона на Московском печатном дворе, связанной с его переоборудованием, ремонтом и т. п. [Николаевский]. В качестве причины называли и последствия чумы,

¹ В литературе известны указания на издания антиминса уже в 1652 г. [см.: Петров, с. 61; Николаева, с. 7]. Однако документально первые гравированные издания антиминса зафиксированы в 1657 г. [Лукьянова, с. 220]. По архиерейским подписям известны экземпляры 1656 г. [Алексеева, с. 11].

когда с августа 1654 г. по март 1655 г. печатный двор был закрыт. Всего за время патриарха Никона до оставления им патриаршего престола, т. е. с 25 июля 1652 г. по 10 июля 1658 г., было осуществлено 36 изданий книг, в которых упомянуто его имя (фактически же непосредственно никоновских изданий будет немного меньше). За такой же период при патриархе Иосифе, например, с 1645 по 1651 г., было выпущено 62 издания, а с 1646 по 1652 г. — 57 книг [Зёрнова, № 242–280, 174–236, 183–240]. Если учитывать все издания, включая листовые, осуществленные при патриархе Никоне, то статистика не будет сильно отличаться. По подсчетам А. А. Гусевой, за это время было осуществлено 54 издания, из них 15 известны только по документам [Гусева, 2005, с. 305]. Время Никона уступает предшествующему периоду по объему печатного листажа, но не по числу изданий. При этом надо отметить, что при патриархе Никоне изменение структуры репертуара Московского печатного двора, внедрение новых форм изданий нашло дальнейшее положительное развитие.

Деятельность патриарха Никона оказала влияние и на «внешность» московской книги, появление новых элементов и приемов ее оформления, организации текстов. «Начиная с 1655 г. произошла замена в книге счета листов с фолиации на пагинацию, был введен кустод, колонцифру перевели из правого нижнего угла наборной полосы в правый верхний угол», — отмечала А. А. Гусева, анализируя никоновские издания, которые, по ее справедливому мнению, легко определялись среди московских изданий по внешним признакам [Там же, с. 310]. К внешним новшествам изданий Московского печатного двора относится активное применение наборных украшений, появление рамок-заставок (гравированная заставка с наборной рамкой) и предисловий с выходными данными вместо послесловий.

Изменился и декор никоновских книг. Заставки получили не только четырехконечные кресты, но и сюжетные средники, в которых изображались соответствующие содержанию композиции. Первые заставки с сюжетными средниками были заимствованы из киево-печерских изданий. К числу таких заставок можно отнести, например, большие заставки, гравированные московским «резчиком» Захарием Лукиным для Требника 1658 г. [Румянцев, с. 368] (ил. 2). Это большие заставки, занимающие почти половину наборной полосы в виде цветка в линейной рамке с орнаментальными украшениями. В центре заставки было оставлено пустое место в форме овала, в которое вставлялась гравированная дощечка (клеймо) с изображением конкретной композиции — одного из таинств (крещения, миропомазания, исповеди, супружества, елеосвящения). Все эти гравированные заставки были подписаны «рещиком» Захарией и представляли собой копии гравюр киевского мастера монаха Илии [Гусева, 2005, с. 310]. По сути, эти элементы оформления и украшения наборной полосы повторяли элементы, приемы и структуру большинства книг православного мира (греческие издания, украинские, румынские и др.).

Необходимо отметить, что московская печатная книга не была абсолютно чужда некоторым из этих элементов, например, наборных украшений, которые

активно применял в своих изданиях до Никона В. Ф. Бурцев. С его именем связано и появление первого титульного листа в московской книге Каноник 1641 г. в виде гравированной рамки с текстом и выходными сведениями [Зёрнова, № 116; Гусева, 1997, с. 26]. Известен был и сюжетный средник, например, в издании Анонимной типографии [Большаков, с. 11]. Однако именно с никоновских изданий начинается широкое применение в московской книге сюжетных заставок, наборных украшений как в качестве самостоятельных элементов декора, так и в сочетании с гравированными элементами, например, для обрамления гравированных заставок, фронтисписных гравюр и т. п. В украинских, белорусских и других изданиях православного мира наборные украшения, гравированные рамки-заставки, рамки из наборных и гравированных элементов, заставки с сюжетными средниками встречаются достаточно регулярно и по сути представляют собой обычный элемент оформления книги [Гусева, 1997, с. 28–32].

Первым московским изданием с наборной рамкой при патриархе Никоне стала «Грамота о Крестном монастыре» (24.06.1656) (ил. 3). Рамка использована в качестве обрамления фронтисписной гравюры с изображением Креста [Зёрнова, № 267]. Следующая рамка с гравированной заставкой появляется в Служебнике (10.12.1657). Здесь она использована для обрамления начальных листов служб [Там же, № 274] (ил. 4). Эти элементы оформления книги хотя и были знакомы московским книгопечатникам, но только с эпохи патриарха Никона стали традиционными в книжном декоре изданий Московского печатного двора.

Рамки-заставки структурировали книгу, задавая ей особую ритмичность, изменяя ее внешнюю форму. Это было новаторством для московской книги, с одной стороны, с другой — сближало московскую книгу с кириллическими славянскими изданиями, восточнохристианской и в некоторой степени с западноевропейской книгой, в которой эти элементы были традиционны. Трудно упрекнуть патриарха Никона здесь в «западничестве», скорее это было стремление к своеобразной унификации московской и восточнохристианской книги. В то же время сказывался личный вкус патриарха, его понимание книги, ее художественной формы.

Особым событием в искусстве московской книги времени патриарха Никона стало издание Четвероевангелия (29.08.1657) [Зёрнова, № 273]. С этого издания в московской печатной книге появляется новая форма титульного листа, обрамленного наборными украшениями (рамкой) и содержащего выходные сведения, которые ранее помещались, как правило, в послесловиях на нумерованных листах. Именно с этого издания титульный лист стал регулярным элементом книги Московского печатного двора [Гусева, 1997, с. 26] (ил. 5). С этого издания изменяется структура подачи текста, применения киновари, появляются новые разделы предисловия. Четвероевангелие 1657 г. открывает предисловие, в котором подробно описаны и объяснены новшества в организации и оформлении книги, получившие продолжение в последующих изданиях.

Новшества в художественном оформлении этого издания коснулись и еще одной стороны — изменения иконографий символов евангелистов у Марка и Иоанна Богослова. Эти изменения навсегда разделили книги Четвероевангелия на старообрядческие и Русской православной церкви.

Заметим, что Евангелие 1657 г. было вторым изданием времени патриарха Никона. Первое вышло 25.10.1653, в нем обозначено имя Никона [Зёрнова, № 250] (ил. 6). Однако в нем не было никаких изменений, оно всецело находилось в старой традиции, поскольку фактически готовилось к изданию еще при патриархе Иосифе.

Если введение рамок-заставок, титульного листа в книги можно связать в некоторой мере с личными вкусами патриарха Никона, то изменения символов евангелистов — явный результат «справы», не текстовой, а изобразительной, связанной с богословским толкованием образов евангелистов. Вопрос касался изображений символов у евангелиста Марка и апостола и евангелиста Иоанна Богослова. До Никона в московских печатных Евангелиях Марка изображали с Орлом, Иоанна со Львом. В Евангелии 1657 г. Иоанн был изображен с Орлом, а Марк — со Львом (ил. 7, 8).

В московских изданиях изображения евангелистов помещались в Четвероевангелиях и Благовестном (Толковом) Евангелии свт. Феофилакта Болгарского. Впервые в московской книге гравюры четырех евангелистов были помещены в качестве фронтисписов в Четвероевангелии, изданном Анисимом Радишевским в 1606 г. Символы евангелистов были размещены в верхней части рамок, обрамлявших изображения евангелистов [Зёрнова, № 27; Сидоров, ил. 47–50; Платонов, Мальцева, Кудрявцев, с. 87–93]. Гравюры (доски) А. М. Радишевского, судя по всему, погибли в Смутное время, но оттиски с них служили в качестве иконографических источников для знаменщиков и граверов Московского печатного двора, особенно в плане декоративных элементов.

Первые гравюры евангелистов в Четвероевангелии Московского печатного двора после Смутного времени (19.03.1627) [Зёрнова, № 64] были исполнены Кондратием Ивановым — универсальным мастером Печатного двора, знаменщиком и гравером, шрифтовиком и руководителем печатных станов. Гравюры евангелистов Матфея, Марка, Луки были гравированы им по собственному знамению, образ апостола и евангелиста Иоанна Богослова знаменит известный иконописец Прокопий Чирин. По орнаментальному оформлению гравюры Кондратия Иванова ближе традиции первопечатников, работам А. Т. Невежи, хотя и отличаются оригинальностью. В верхней части рамки, как и у А. М. Радишевского, располагались символы евангелистов: Ангел (Матфей), Орел (Марк), Крылатая Корова (Лука), Крылатый Лев (Иоанн) [Сидоров, ил. 58–63]. Эти гравюры с небольшими правками и следами физического износа печатной формы (доски) использовались в изданиях до 1657 г. В 1657 г. в гравюры были внесены изменения, заменены символы евангелистов у евангелиста Марка и апостола и евангелиста Иоанна Богослова, что послужило основанием А. А. Сидорову определить их как второе состояние, которое использовалось в изданиях

до 1660-х г. (евангелист Марк последний раз в издании 1663 г., апостол и евангелист Иоанн Богослов — 1668 г.) [Зёрнова, № 301, 320; Сидоров, с. 184, 186].

Техническое исполнение замены фрагментов досок было осуществлено мастерски. Из гравюр (досок) Кондратия Иванова была вырезана верхняя часть с изображением символов евангелистов, при этом части доски по сторонам с орнаментальными деталями были сохранены. Новый гравированный фрагмент был вставлен в вырезанную часть так, что в первом издании 1657 г. следов вставки практически незаметно. Соединение в месте крепления вставки станет заметно только во втором издании 1663 г. в виде белых полосок [Зёрнова, № 301].

Изменения символов евангелистов противники патриарха Никона толковали как нарушение «древлеправославного» обычая. Действительно, в первопечатных изданиях мы видим Иоанна Богослова со Львом, а евангелиста Марка с Орлом. Как было сказано, первые московские гравюры евангелистов у А. М. Радишевского соответствовали этой традиции. В свою очередь, он опирался на традицию первопечатного Евангелия П. Т. Мстиславца, изданного в Вильне в 1575 г. [Сидоров, ил. 33–36; Платонов, Мальцева, Кудрявцев, с. 53–60]. Евангелие Мстиславца пользовалось авторитетом и его повторяли в Вильне в 1600 г. Мамоници и во Львове в 1644 г. Православное братство.

Нужно отметить, что животные символы далеко не всегда сопровождали образы евангелистов, например, в заставках московского анонимного Евангелия (ок. 1556 г.) их изображений нет [Большаков, с. 11]. Не всегда находим их в украинских и белорусских изданиях. Однако на западе Руси в первой половине XVII в. видим преимущественно аналогичные московским изображения: Матфей с Ангелом, евангелист Марк с Орлом, евангелист Лука с Тельцом, апостол и евангелист Иоанн Богослов со Львом. Например, в Евангелии учительном (Кринос : Тип. церкви Успения) 1606 г., те же символы в Минее Праздничной (Анфологионе) Киево-Печерской типографии 1619 г., в Евангелии, изданном Львовским братством 1636 г., и в Анфологионе 1632 г. [Украинские книги кирилловской печати..., вып. I, № 17, 28, 62, 65] Аналогичную иконографию, например, наблюдаем и в сербской миниатюре XVI — начала XVII в. [см., например: Ракић, ил. 53, с. 199–202, 212–213, 214]. В этом смысле можно говорить об устойчивой традиции изображения символов евангелистов в православной кирилловской книге.

Тем не менее, традиция была изменена и в украинской книге — с середины XVII в. символы евангелистов Иоанна Богослова и Марка изображаются аналогично московским нововведениям. В изданиях Киево-Печерской типографии с 1658 г. образ Иоанна Богослова сопровождает изображение Орла, а евангелиста Марка — Льва. Первые гравюры с новыми символами были исполнены известным украинским мастером монахом Илией [Украинские книги кирилловской печати..., вып. II, № 102, 103]. Очевидно, что ни славянские, ни украинские или белорусские издания не могли послужить основанием для изменений в московских Евангелиях, несмотря на то, что до Никоновских реформ в западнорусских

изданиях встречались редкие, единичные отступления от традиции, например, в издании «Новый Завет с Псалтирью» (Евье : Тип. братства Святаго Духа, 01.08.1611), в котором Иоанн Богослов был изображен с Орлом, а евангелист Марк — со Львом [Голенченко, № 71; Кириллические издания XVII века..., с. 180–189]. Это были очень редкие исключения.

Обращаясь к истории вопроса, необходимо напомнить, что в богословии существовало несколько толкований символов евангелистов, как и определения их в качестве атрибутов евангелистов. Хорошо известно, что образы четырех животных восходят к Видению Иезекииля и Откровению Иоанна Богослова. Во II в. они были истолкованы свт. Иринием Лионским как символы евангелистов. С этого времени их атрибуция евангелистам изменялась. По свт. Иринею Лионскому, Ангел (Человек) символизировал евангелиста Матфея, Орел — Марка, Бык (Телец) — Луку, Лев — Иоанна Богослова. Другой порядок был поддержан блж. Иеронимом и др., по которому Ангел (Человек) соответствовал Матфею, Лев — Марку, Телец — Луке, Орел — Иоанну Богослову. Третье толкование, по которому Матфей соединялся со Львом, Марк с Человеком, Лука с Тельцом, Иоанн Богослов с Орлом, принадлежит блж. Августину и поддержано св. Ипполитом, папой римским. Есть еще одно менее распространенное толкование, нашедшее отражение в византийской книге и принадлежащее свт. Афанасию Александрийскому [Покровский, с. 51–56; Уваров; Подосинов]. В церковном искусстве символы евангелистов стали изображать с V в. При этом допускались различные варианты изображений. Размышляя об этом предмете, Н. В. Покровский писал: «Древность допускала различные распределения символов, и в этом различии выражалось различие частных мнений; догматического значения этот предмет не имел, и строгий контроль церкви на него не простирался» [Покровский, с. 56].

Однако в XVII в. в Москве сложилось ясное и однозначное представление об изображениях животных символов евангелистов и их отношения к чуждой западной и православной традициям. Во время «прений» об «Евангелии учительном» Кирилла Транквилиона-Ставровецкого, например, московские участники Иван Наседка и священник Илия утверждали: «Римляне бо пишут Иоанне лице орле, а не львово, а Марка лице львоуе, а не орле» [Опарина, с. 385]. Действительно, для традиции печатной кириллической книги это утверждение кажется абсолютно справедливым, и возникают вопросы, почему патриарх Никон нарушил правило, отступил от «древлеправославной» традиции? В чем причина его исправлений в Евангелии? Ответы на эти вопросы позволяют выяснить не только источники «справы» в иконографии евангелистов, но и в целом отношение и ориентацию в исправлениях священных изображений. В решении данных вопросов недостаточно ограничиваться исключительно старопечатной книгой. Опираясь на иконографическую традицию в живописи (иконописи, фреске) затруднительно, поскольку нередко книжная графика и миниатюра следовала иным направлениям в силу своей природы, предназначения, места в обиходе, поэтому рассмотрим более подробно книжную традицию.

В византийской миниатюре мы довольно часто видим изображения евангелистов вообще без символов животных; это же наблюдаем и в древнерусской миниатюре. В то же время в византийской миниатюре можно видеть изображения евангелистов с символическими животными, среди которых Иоанну Богослову соответствует Орел, а евангелисту Марку — Лев [см., например: Лазарев, табл. 258, 409, 555]. При этом известны и противоположные изображения.

По мнению одного из современных исследователей этого вопроса А. Чернова, древнерусские иконописные материалы XV–XVI вв. показывают иное последовательное изображение в качестве символов Льва у Иоанна Богослова и Орла у Марка. Среди этих икон — «Спас в Силах» (1410–1415), приписываемый кисти прп. Андрея Рублева. Автор статьи, обратившись к Евангелию Хитрово, так же приписываемого прп. Андрею Рублеву, увидел там иные атрибуты евангелистов: Льва, символизирующего евангелиста Марка, и Орла — Иоанна Богослова [Чернов]. Не только Евангелие Хитрово представляло традицию, утвержденную патриархом Никоном, но и другие рукописи его круга и более ранние.

Специальное исследование рукописных лицевых Евангелий, проведенное О. В. Чумичевой, показало, что символы евангелистов, соответствовавшие толкованию блж. Иеронима, преобладали в русской книжности до конца XIV в., а с середины XV в. были полностью вытеснены изображениями по изложению свт. Ириния Лионского. Объясняя этот факт, автор писала: «...иконографический вариант, основанный на толковании свт. Ириния Лионского и прп. Анастасия Синаита, попадает на Русь через Балканы, что можно связать со вторым южнославянским влиянием, и утверждается повсеместно, вытесняя прежнюю традицию, опиравшуюся на толкование блж. Иеронима» [Чумичева, с. 178].

Именно со второй половины XIV в. на Руси появляется «Толковое Евангелие» (Благовестное) свт. Феофилакта Болгарского, в котором в предисловии к Евангелию от Марка были изложены объяснения символов евангелистов по свт. Иринию Лионскому. Митрополит Киприан рекомендовал это Евангелие читать в храмах, что способствовало его распространению и авторитетности. В середине XV в. оно стало хорошо известно [Соболевский, с. 29, 22]. Тексты предисловий к евангелиям свт. Феофилакта Болгарского стали помещать в качестве предисловий и в четвероевангелиях. Эта традиция из рукописи перешла в печатную книгу, а вместе с ней получила распространение и иконография символов евангелистов по свт. Иринию Лионскому, которая вытеснила прежнюю традицию. Ко времени патриарха Никона созданная свт. Иринием Лионским и утвержденная текстом свт. Феофилакта Болгарского иконография символов евангелистов стала восприниматься как своя, исконная, «древлеправославная».

Для изменения этой традиции патриарху Никону требовались серьезные аргументы и основания. Возможно, первые сомнения возникли в связи с подготовкой московского издания антимины. Известно, что патриарх Никон лично занимался этим вопросом, обращался к восточным иерархам с вопросами об антимины, его внешней форме, изображений на нем. В православном мире печатные антимины были распространены, их печатали не только греки, но и на

Украине, в Румынии, Белоруссии и прочих местах. В отличие от Москвы, где пользовались рисованными антими́нсами на холстах с изображениями (Креста), соответствовавшими гравюрам, помещенным в Требниках с 1623 г. (последнее изображение в 1651 г.).

Изображения на антими́нсах греческих, западнорусских и др. отличались некоторым разнообразием: обычно это иконографии «Оплакивание», «Положение во гроб», «Не рыдай Мене Мати». При этом, независимо от центрального изображения, практически все антими́нсы имели по углам изображения евангелистов, или их символов, или евангелистов с животными символами. В греческой традиции по углам изображались символы евангелистов или евангелисты с символами по толкованию блж. Иеронима, и эта традиция была достаточно древней [Ошуркевич; Yurchyshyn-Smith; Karapli, Papastavrou]. Опираясь на греческую традицию, создатели московского печатного антими́нса и патриарх Никон не могли не увидеть разницы в изображениях на антими́нсе и на престольных Евангелиях, что, естественно, вызывало вопросы и требовало некоторой унификации.

Известно, что свои исправления патриарх Никон осуществлял в соответствии с вселенскими греческими обрядами и древними (исконными) традициями Руси. С этой целью он обращался к древним харатейным книгам, которые доставлялись в Москву по его указу из монастырей. Обратившись к ним, патриарх находил изображения, соответствовавшие греческим. Среди них патриарх видел авторитетный список — Евангелие Успенское собора Московского Кремля, входившее в одну группу с Евангелием Хитрово. Судя по описям Успенского собора, Евангелие в XVII в. находилось там [Вздорнов, № 59]. Таким образом, изменение символов евангелистов в московской книге было основано на традициях древней русской рукописной книги, московских святынях и существующей традиции символики евангелистов вселенского православия.

Естественным противоречием новым изображениям символов евангелистов в московской книге стало предисловие к Евангелию от Марка свт. Феофилакта Болгарского. Оно сохранилось в текстах Благовестного Евангелия, а в Четвероевангелии 1657 г. было изменено. Часть с повествованием о животных символах евангелистов была опущена, как и в последующих изданиях Евангелий. Надо отметить, что и здесь сторонники никоновской «справы» ориентировались на древнюю традицию. При подготовке Евангелия 1657 г. они обратились к авторитету Острожской Библии и заимствовали из нее краткий вариант предисловия к Евангелию от Марка без повествования о животных символах евангелистов. В этой форме предисловие к Евангелию от Марка помещалось во всех последующих изданиях.

«Справа» не завершилась введением новых элементов книжного декора, иконографическими правками. Исправления коснулись и характера (типа), назначения иллюстраций богослужебных книг. До патриарха Никона в московской печатной книге мы видим орнаментальные элементы и сюжетные иллюстрации, как правило, фронтисписные: царя Давида в Псалтирях, Евангелистов,

Ил. 1. Неизвестный гравер. Антиминс. Ксилография. Москва. Печатный двор. 1656/1657.
Музей Московской духовной академии «Церковно-археологический кабинет»

Fig. 1. Unknown engraver. Antimins. Block printing. Moscow. Print Yard. 1656/1657.
Church Archeological Cabinet Museum of the Moscow Theological Academy

Ил. 2. Захарий Лукин. Рамка. Медальон «Таинство Крещения». Ксилография. Требник. Москва. Печатный двор. 10.XII.1658. РГБ

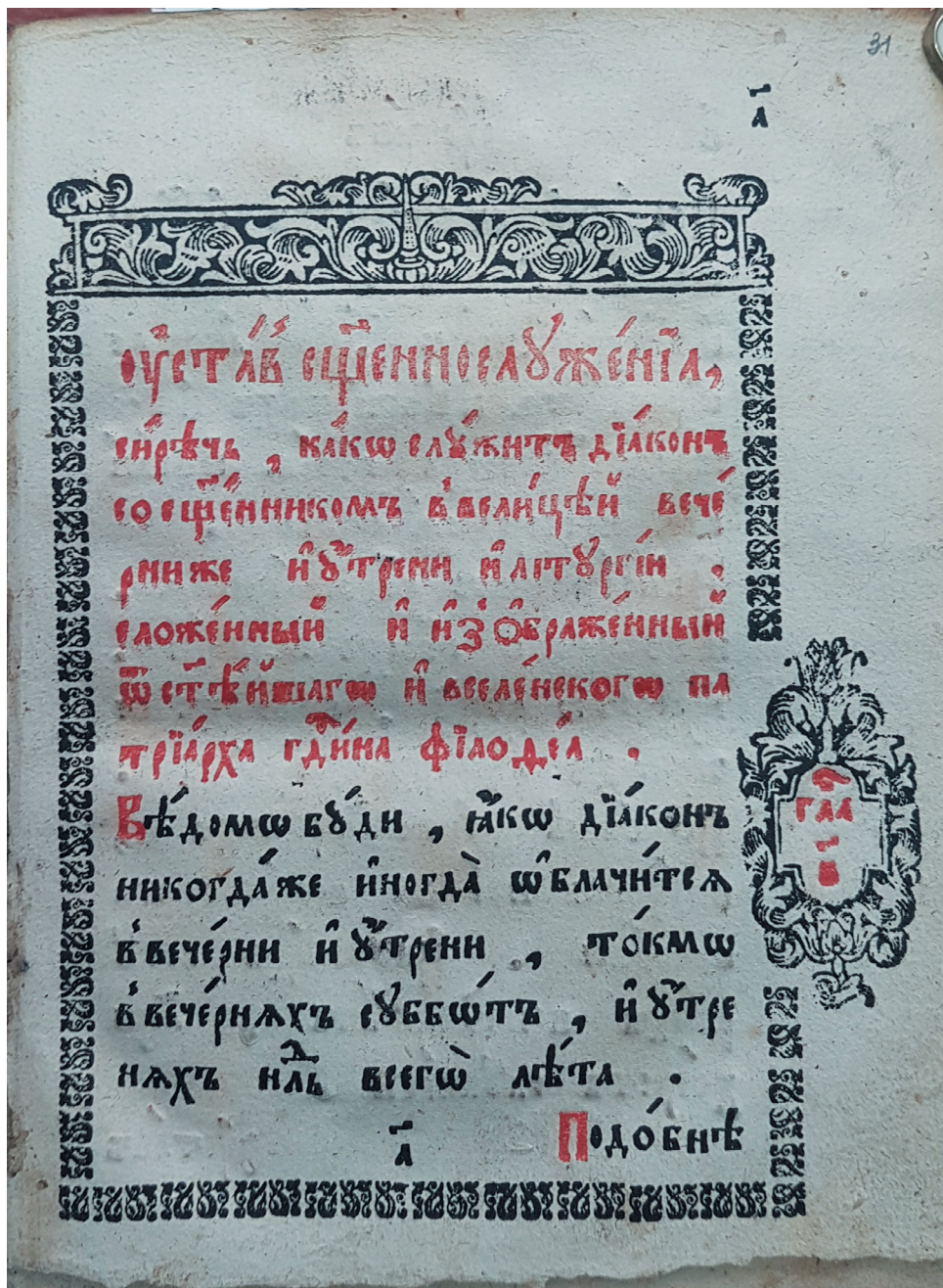
Fig. 2. Zakhary Lukin. Frame. *The Baptism of Christ*, a medallion. Block printing. Prayer book. Moscow. Print Yard. 10.XII.1658. RSL

Ил. 3. Никон, патриарх Московский. Грамота о Крестном монастыре. Разворот.
Ксилография (крест, заставка), наборные украшения (рамка).
Москва. Печатный двор. [После 24.VI.1656]. РГБ

Fig. 3. Nikon, Patriarch of Moscow. Certificate of the Monastery of the Cross.
Double page. Block printing (cross, headpiece), ornamentation (frame).
Moscow. Print Yard. [After 24.VI.1656]. RSL

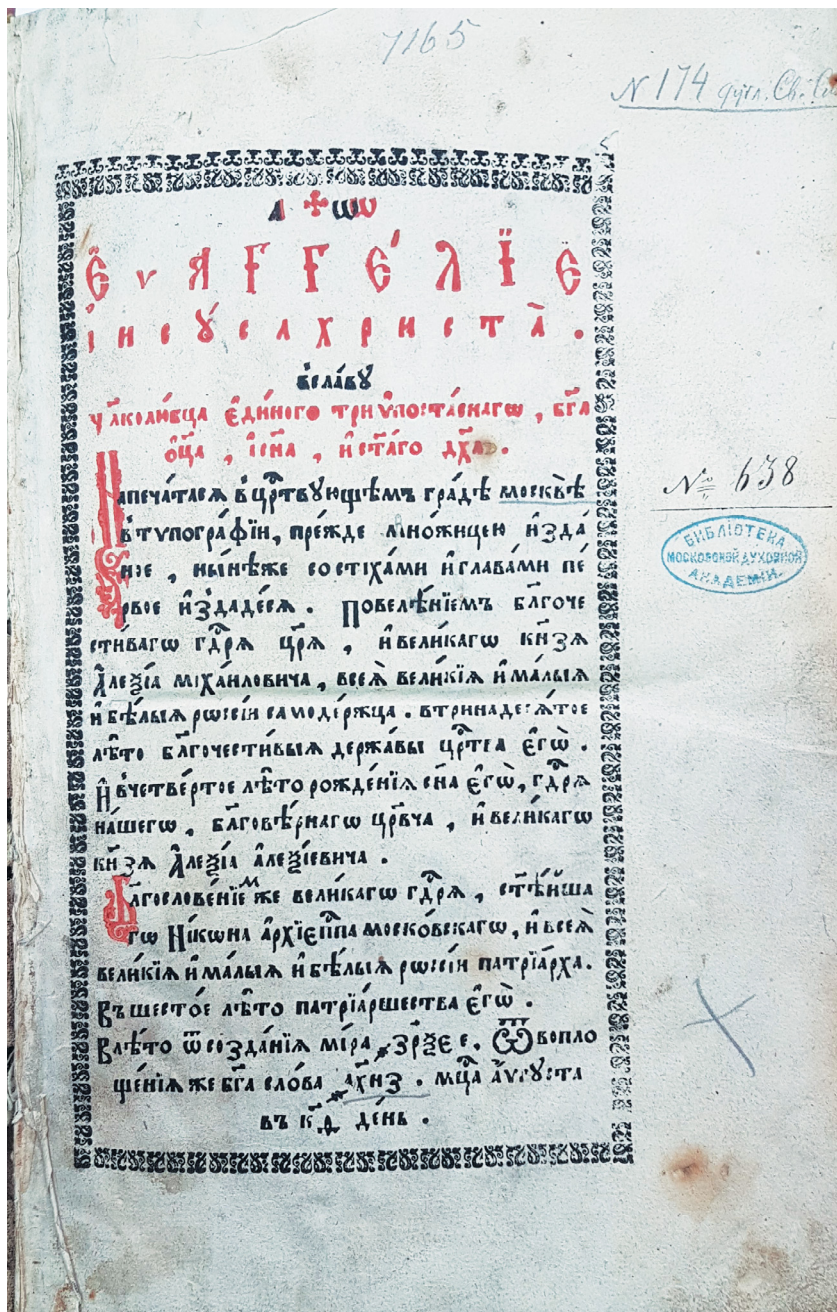

Ил. 4. Служебник. Рамка-заставка. Ксилография (заставка, рамка на поле), наборные украшения (рамка). Москва. Печатный двор. 10.XII.1657. РГБ

Fig. 4. Service book. Headband frame. Block printing (headband, frame), ornamentation (frame). Moscow. Print Yard. 10.XII.1657. RSL

Ил. 5. Четвероевангелие. Титул, наборная рамка. Москва.
Печатный двор. 29.VIII.1657. РГБ

Fig. 5. Tetraevangelion. Title page, composed frame. Moscow.
Print Yard. 29.VIII.1657. RSL

Ил. 6. Четвероевангелие. Разворот. Фронтиспис «Апостол и евангелист Иоанн и его ученик Прохор». Кондратий Иванов. Ксилография. Москва. Печатный двор. 25.X.1653. РГБ

Fig. 6. Tetraevangelion. Double page. *John the Apostle and Evangelist and his Disciple Prochorus*, frontispiece. Kondraty Ivanov. Block printing. Moscow. Print Yard. 25.X.1653. RSL

Ил. 7. Четвероевангелие. Евангелие от Иоанна. Разворот. Фронтиспис «Апостол и евангелист Иоанн и его ученик Прохор с врезкой символа евангелиста — Орел». Кондратий Иванов, неизвестный гравер. Ксилография. Москва. Печатный двор. 29.VIII.1657. РГБ

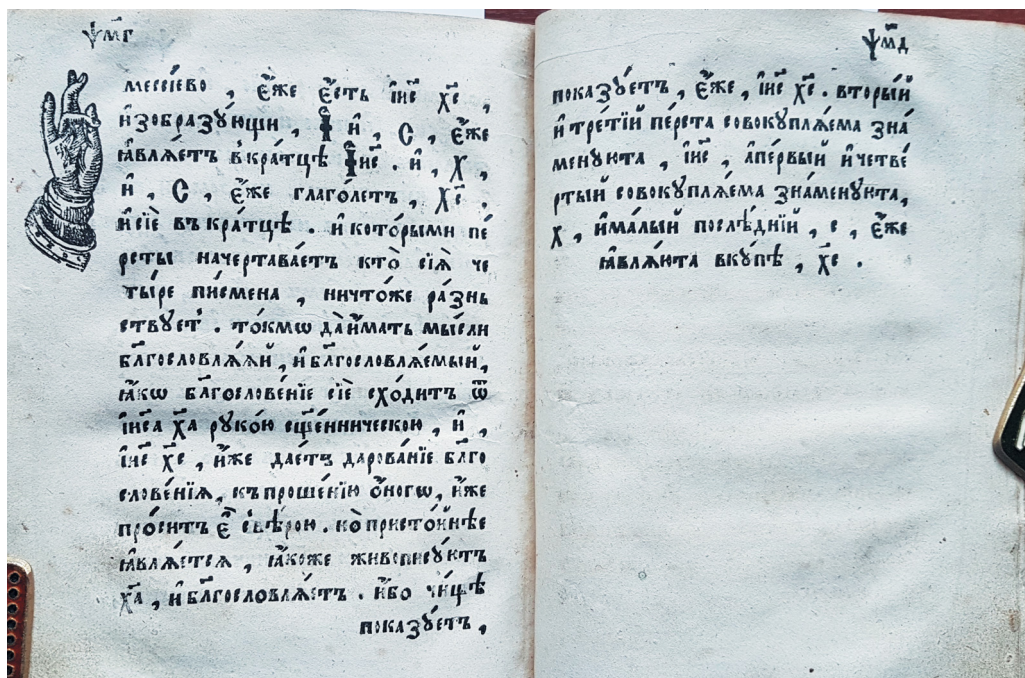
Fig. 7. Tetraevangelion. Gospel of John. Double page. *John the Apostle and Evangelist and his Disciple Prochorus, an Inset with the Eagle, the Evangelist's Symbol*, frontispiece. Kondraty Ivanov, unknown engraver. Block printing. Moscow. Print Yard. 29.VIII.1657. RSL

Ил. 8. Четвероевангелие. Евангелие от Иоанна. Разворот. Фронтиспис «Апостол и евангелист Иоанн и его ученик Прохор с врезкой символа евангелиста — Лев». Кондратий Иванов. Ксилография. Москва. Печатный двор. 29.VIII.1657. РГБ

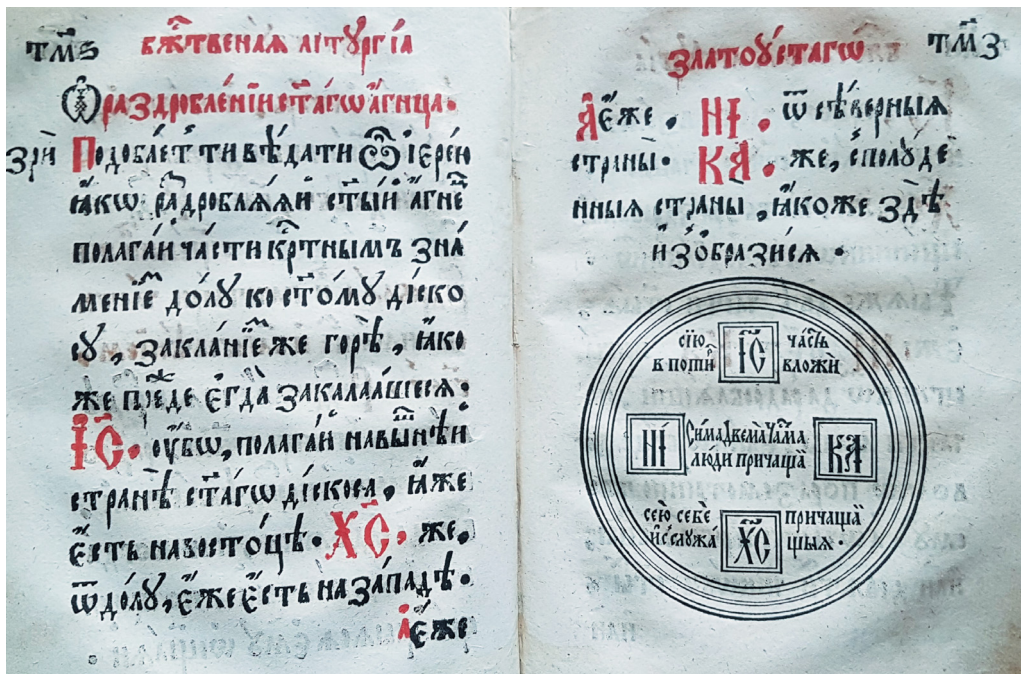
Fig. 8. Tetraevangelion. Gospel of John. Double page. *John the Apostle and Evangelist and his Disciple Prochorus, an Inset with the Lion, the Evangelist's Symbol*, frontispiece. Kondraty Ivanov, unknown engraver. Block printing. Moscow. Print Yard. 29.VIII.1657. RSL

Ил. 9. Служебник. Москва. Печатный двор. 31.VII.1657. РГБ

Fig. 9. Service book. Moscow. Print Yard. 31.VII.1657. RSL

Ил. 10. Служебник. Москва. Печатный двор. 31.VII.1657. РГБ

Fig. 10. Service book. Moscow. Print Yard. 31.VII.1657. RSL

изображение «Лествиц» в книге прп. Иоанна Лествичника или «Училище» в «Азбуке» В. Ф. Бурцева, и т. п.

Новый тип иллюстраций появляется в книге, которая более других правилась и издавалась во время патриаршества Никона. Это Служебник, изданный 31.08.1655 после Собора 1654 г. [Зёрнова, № 257] Его текст иллюстрируют три гравюры с изображением дискаса, чаши и просфоры, отражающие исправления, утвержденные Собором (в последующих изданиях использованы эти же иллюстрации) (ил. 9). Подобных по назначению служебных иллюстраций в московских изданиях прошлого не было. Исключение может составить лишь изображение антиминос, надписей на нем в издании Требника 1623 г. (переиздания 1624, 1625, 1633 гг.) [Там же, № 49, 52, 56, 97]. Это была большая листовая иллюстрация. Новый тип иллюстраций, служебных по своему характеру, отличался небольшим размером, полностью подчинялся тексту, наглядно представляя наиболее важные его изменения. Еще одним ярким примером служебных иллюстраций могут служить маленькие гравюры-иллюстрации к тексту «Главизны отвещателны от послания Паисия ахиепископа Константинополя и Вселенского патриарха... киими персты подабае всякому христианину на лице своем изображати образ Креста и како достоин архиерею благословляти или священнику мирян» с изображением руки с троеперстным знаменем и благословляющей руки (ил. 10). Впервые они были помещены в издание Служебника 1657 г. [Там же, № 271].

Рассматриваемые факты позволяют говорить о широкой программе патриарха Никона, касавшейся исправления книг и деятельности Московского печатного двора. Она была направлена не только на исправление богослужебных текстов, но и на изобразительную, «внешнюю» форму книги, ее декора и «содержательную» сторону изображений, связанную с иконографической правкой и введением функционально новой книжной гравюры, наглядно показывающей суть изменений в обряде. Книжная гравюра в эпоху патриарха Никона приобрела новые иконографии и новые функциональные черты. В это время произошло изменение структуры репертуара Московского печатного двора, появление нового типа изданий, в том числе гравированных. В плане технологии, техники гравировки сохранялись прежние черты, оставаясь в традиции предшествовавшего времени. В целом книжный декор, дополненный наборными украшениями, приобретал новые художественные и стилистические черты и детали, которые открыли новую эпоху в искусстве московской книги.

Источники

Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV веков. М.: Искусство, 1980.

Голенченко Г. Я. Старопечатные кириллические книги 16–18 вв. // Книги Белоруссии, 1517–1917: свод. кат. / [сост. Г. Я. Голенченко и др.]. Минск: Белорус. сов. энцикл., 1986. С. 9–189.

Зёрнова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках: свод. кат. М.: [б. и.], 1958.

Кириллические издания XVII века из коллекции Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси : кат. / сост. Е. И. Титовец, О. А. Губанова, П. Д. Скурко, И. Л. Мурашова. Вып. 1 : 1602–1620-е гг. Минск : Беларуская навука, 2019.

Лазарев В. Н. История византийской живописи : в 2 т. Т. 2 : Таблицы. М. : Искусство, 1986.

Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА : кат. / сост. Л. Н. Горбунова, Е. В. Лукьянова. Вып. 3 : 1651–1675. М. : Индрик, 2003.

Петров Н. Указатель Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Киев : Тип. Ун-та св. Владимира, 1897.

Платонов Е. В., Мальцева О. Н., Кудрявцев С. А. Старопечатная кирилловская книга XVI–XVII веков. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2016.

Украинские книги кирилловской печати XVI–XVIII вв. : кат. изд-й, хранящихся в Гос. библ. им. В. И. Ленина. Вып. I : 1574 г. — I половина XVII в. / сост. Т. Н. Каменева, А. А. Гусева. М. : Гос. б-ка им. В. И. Ленина, 1976 ; Вып. II, т. 1 : Киевские издания 2-й половины XVII в. / сост. А. А. Гусева, Т. А. Каменева, И. М. Полонская. М. : [б. и.], 1981.

Исследования

Алексеева М. А. Малоизвестные произведения русского искусства XVII — первой половины XVIII века — гравированные антиминсы // Алексеева М. А. Из истории русской гравюры XVII — начала XIX в. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2013. С. 9–34.

Большаков Н. С. Московская фигурная гравюра XVI века. М. : Гос. академия художественных наук, 1927.

Гусева А. А. Идентификация экземпляров украинских изданий кирилловского шрифта второй половины XVI — XVIII вв. : метод. рекомендации. М. : Рос. гос. б-ка, 1997.

Гусева А. А. Издания Московского печатного двора в период патриаршества Никона // Фёдоровские чтения. 2005 / отв. ред. В. И. Васильев. М. : Наука, 2005. С. 304–315.

Зеньковский С. А. Русское старообрядчество : в 2 т. / сост. Г. М. Прохоров ; общ. ред. В. В. Нехотина. М. : Ин-т ДИ-ДИК, 2006.

Лукьянова Е. В. Листовые издания Московского печатного двора во второй половине XVII в. (По документам Приказа книгопечатного дела) // Фёдоровские чтения. 2003 / отв. ред. А. Ю. Самарин. М. : Наука, 2003. С. 214–224.

Макарий (Булгаков), митр. Патриарх Никон в деле исправления церковных книг и обрядов. М. : Тип. М. Н. Лаврова и К, 1881. С. 1–116 (отд. оттиск).

Николаева С. Г. Коллекция гравированных антиминсов в собрании Государственного музея истории религии. СПб. : Акционер и К°, 2003. (Труды Государственного музея истории религии ; Т. 3).

Николаевский П. Ф., протоиер. Московский печатный двор при патриархе Никоне // Христианское чтение. 1890. № 1–2. С. 114–141.

Опарина Т. А. Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск : Наука, 1998.

Ошуркевич Л. А. Украинские антиминсные гравюры XVII — первой половины XVIII века // Народная картинка XVII–XIX веков : материалы и исследования / ред. М. А. Алексеева, Е. А. Мишина. СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. С. 53–70.

Подосинов А. В. Символы четырех евангелистов. Их происхождение и значение. М. : Языки русской культуры, 2000.

Поздеева И. В., Дадыкин А. В., Пушков В. П. Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры 1652–1700. М. : Наука, 2007. Кн. 1.

Покровский Н. В. Евангелие в памятниках иконографии преимущественно византийских и русских. М. : Прогресс-Традиция, 2001.

Починская И. В. Рукописные и старопечатные книги кирилловской традиции: изучение, описание, хранение : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010.

- Ракић З. Српска минијатура XVI и XVII века. Београд : ПБФ, 2012.
- Румянцев В. Е. Сведения о гравировании и граверах при Московском Печатном дворе в XVI и XVII столетиях. М. : Тип. Акад. наук, 1870. С. 356–378 (отд. оттиск).
- Сидоров А. А. Древнерусская книжная гравюра. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951.
- Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков : библиогр. материалы. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1903.
- Уваров А. С. Евангелие 1577 года, изображение евангелистов и их символов // Древности. Труды Императорского археологического общества. 1907. Т. XXI, вып. 2. С. 7–37.
- Хромов О. Р. Русская лубочная книга XVII–XIX веков. М. : Памятники ист. мысли, 1998.
- Чернов А. Иоанн Богослов — Орел или Лев? Евангельский тетраморф в начальной русской традиции. 2008. URL: <https://chernov-trezin.ru/tetramorf.htm> (дата обращения: 17.06.2020).
- Чумичева О. В. Символы евангелистов в русской рукописной традиции // Остромирово Евангелие и современные исследования рукописной традиции новозаветных текстов : сб. науч. ст. / сост. Ж. Л. Левшина. СПб. : Рос. нац. б-ка, 2010. С. 172–180.
- Karapli K., Papastavrou H. Autels portatifs (Altaria portatilia) — Antimensia. Courte note // Zograf. 2014. Т. 38. С. 221–231.
- Yurchyshyn-Smith O. Development of Byzantine Iconographic Tradition in Ukrainian Antimensia of the XVIIth Century // Byzantinoslavica. Revue internationale des Etudes Byzantines. 1998. Vol. LIX, Fask. 2. P. 320–324.

References

- Alekseyeva, M. A. (2013). Maloizvestnye proizvedeniia russkogo iskusstva XVII — pervoi poloviny XVIII veka — gravirovannye antiminsy [Little-known Works of Russian Art of the 17th – First Half of the 18th Centuries — Engraved Antimens]. In M. A. Alekseyeva, *Iz istorii russkoi graviury XVII — nachala XIX v.* [From the History of the Russian Engraving of the 17th – Early 19th Centuries] (pp. 9–34). Moscow; St Petersburg: Alians-Arkheo.
- Bolshakov, N. S. (1927). *Moskovskaia figuraia graviura XVI veka* [Moscow Figure Engraving of the 16th Century]. Moscow: Gos. akademiia khudozhestvennykh nauk.
- Chernov, A. (2008). *Ioann Bogoslov — Orel ili Lev? Ievangel'skij tetramorf v nachal'noi russkoi traditsii* [John the Theologian — Eagle or Lion? Gospel Tetramorph in the Early Russian Tradition]. Retrieved from <https://chernov-trezin.ru/tetramorf.htm>
- Chumicheva, O. V. (2010). Simvoly ievangelistov v russkoi rukopisnoi traditsii [Symbols of the Evangelists in the Russian Handwritten Tradition]. In J. L. Levshin (Ed.), *Ostromirovo Ievangelie i sovremennye issledovaniia rukopisnoi traditsii novozavetnykh tekstov: sb. nauch. st.* [Ostromir Gospel and Modern Studies of the Handwritten Tradition of the New Testament Texts. Collection of Scholarly Articles] (pp. 172–180). St Petersburg: Russian National Library.
- Guseva, A. A. (1997). *Identifikatsiia ekzempiarov ukrainskikh izdaniy kirillovskogo shrifta vtoroi poloviny XVI — XVIII vv.: metod. rekomendatsii* [Identification of Copies of Ukrainian Editions of the Cyril Script of the Second Half of the 16th–18th Centuries: Methodical Recommendations]. Moscow: Russian State Library.
- Guseva, A. A. (2005). Izdaniia Moskovskogo pechatnogo dvora v period patriarshstva Nikona [Publications of the Moscow Print Yard during the Patriarchate of Nikon]. In V. I. Vasiliev (Ed.), *Fyodorovskie chteniia. 2005* [Fyodorov Readings. 2005] (pp. 304–315). Moscow: Nauka.
- Karapli, K., & Papastavrou, H. (2014). Autels portatifs (Altaria portatilia) — Antimensia. Courte note. *Zograf*, 38, 221–231.
- Khromov, O. R. (1998). *Russkaia lubochnaia kniga XVII–XIX vekov* [Russian Popular Print Book of the 17th–19th Centuries]. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli.
- Lukyanova, Ye. V. (2003). Listovye izdaniia Moskovskogo pechatnogo dvora vo vtoroi polovine XVII v. (Po dokumentam Prikaza knigopechatnogo dela) [Loose-Leaf Editions of the Moscow Print

Yard in the Second Half of the 17th Century (According to the Documents of the Prikaz of Book Printing)]. In A. Yu. Samarin (Ed.), *Fyodorovskiye chteniia. 2003* [Fyodorov Readings. 2003] (pp. 214–224). Moscow: Nauka.

Makarius (Bulgakov), mitr. (1881). *Patriarkh Nikon v dele ispravleniia tserkovnykh knig i obriadov* [Patriarch Nikon's Role in Correcting Church Books and Rituals] (pp. 1–116). Moscow: Tip. M. N. Lavrova and K.

Nikolayeva, S. G. (2003). Kolleksiia gravirovannykh antiminov v sobranii Gosudarstvennogo muzeia istorii religii [Collection of Engraved Antimins in the Collection of the State Museum of the History of Religion]. *Trudy Gosudarstvennogo muzeia istorii religii*, 3. St. Petersburg: Aktsioner i K°.

Nikolayevsky, P. F., protoier. (1890). Moskovskij pechatnyj dvor pri patriarkhe Nikone [Moscow Print Yard under Patriarch Nikon]. *Khristianskoe chtenie*, 1–2, 114–141.

Oparina, T. A. (1998). *Ivan Nasedka i polemicheskoe bogoslovie Kievskoi mitropolii* [Ivan Nasedka and the Polemical Theology of the Kiev Metropolis]. Novosibirsk: Nauka.

Oshurkevich, L. A. (1996). Ukrainskie antiminsnye graviury XVII – pervoi poloviny XVIII veka [Ukrainian Antimins Engravings of the 17th – First Half of the 18th Centuries]. In M. A. Alekseeva, & E. A. Mishina (Eds.), *Narodnaia kartinka XVII–XIX vekov: materialy i issledovaniia* [Folk Picture of the 17th–19th Centuries: Materials and Research] (pp. 53–70). St Petersburg: Dmitriy Bulanin.

Pochinskaya, I. V. (2010). *Rukopisnye i staropechatnye knigi kirillovskoi traditsii: izuchenie, opisaniye, khraneniye: uchebnoye posobie* [Handwritten and Early Printed Books of the Cyril Tradition: Study, Description, Storage: Textbook]. Yekaterinburg: Ural University Press.

Podosinov, A. V. (2000). *Simvolny chetyrekh evangelistov. Ikh proiskhozhdeniye i znachenie* [Symbols of the Four Evangelists. Their Origin and Meaning]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.

Pokrovsky, N. V. (2001). *Evangelie v pamiatnikakh ikonografii preimushchestvenno vizantijskikh i russkikh* [The Gospel in the Monuments of Iconography, Mainly Byzantine and Russian]. Moscow: Progress-Traditsiia.

Pozdeyeva, I. V., Dadykin, A. V., & Pushkov, V. P. (2007). *Moskovskij pechatnyj dvor – fakt i faktor russkoi kul'tury 1652–1700* [Moscow Print Yard – Fact and Factor of Russian Culture 1652–1700] (Book 1). Moscow: Nauka.

Rakić, Z. (2012). *Srpska minijatura XVI i XVII veka* [Serbian Miniature of the 16th and 17th Centuries]. Belgrade: PBF.

Rumyantsev, V. N. (1870). *Svedeniia o gravirovanii i graverakh pri Moskovskom Pечатном дворе v XVI i XVII stoletiiakh* [Information on Engraving and Engravers at the Moscow Print Yard in the 16th and 17th Centuries]. Moscow: Tip. Imp. Akad. nauk.

Sidorov, A. A. (1951). *Drevnerusskaia knizhnaia graviura* [Old Russian Book Engraving]. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR.

Sobolevsky, A. I. (1903). *Perevodnaia literatura Moskovskoi Rusi XIV–XVII vekov: bibliograficheskie materialy* [Translated Literature of Moscow Russia of the 14th–17th Centuries. Bibliographic Materials]. St Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk.

Uvarov, A. S. (1907). Evangelie 1577 goda, izobrazheniye evangelistov i ikh simvolov [Gospel of 1577, the Portrayal of the Evangelists and Their Symbols]. *Drevnosti. Trudy Imperatorskogo Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva*, XXI(2), 7–37.

Yurchyshyn-Smith, O. (1998). Development of Byzantine Iconographic Tradition in Ukrainian Antimensia of the XVII Century. *Byzantinoslavica. Revue internationale des Etudes Byzantines*, LIX(2), 320–324.

Zen'kovsky, S. A. (2006). *Russkoe staroobriadchestvo* [Russian Old Believers] (Vols. 1–2). Moscow: In-t DI-DIK.

Хромов Олег Ростиславович

доктор искусствоведения, академик

Российской академии художеств

¹ профессор кафедры теории и истории
церковного искусства

Московская Духовная академия

141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева
Лавра;

² главный научный сотрудник НИО
редких книг

Российская государственная библиотека

119019, Москва, ул. Воздвиженка, 3/5

E-mail: olegghrom@gmail.com

Khromov, Oleg Rostislavovich

Dr. Hab. (Art Studies), Full Member
of the Russian Academy of Arts

¹ Professor of the Department
of Theory and History of Church Art

Moscow Theological Academy

Trinity Lavra of St Sergius, 141300 Sergiev
Posad, Russia;

² Chief Researcher

Research Institute of Rare Books

Russian State Library

3/5, Vozdvizhenka Str., 119019 Moscow, Russia

Email: olegghrom@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7417-1756>

ResearcherID: AAQ-4027-2020